

Игорь Золотарёв

«А ВЛАСТЬ ПЕРА ВЕЛИКА...» (Примат Неожиданного)

Книга прозы «Сабуровская крепость» писателя-орловца Катанова В.М., опубликованная в 1995 году издательством «Внешние воды», претендует на жанр исторического романа. Во всяком случае, так обозначено в аннотации. И это первая неожиданность. Ибо доселе автор был известен своими краеведческими изысканиями, за что, как мы знаем, и получил премию Карамзина. О чем сообщает титульный лист под грифом «Лауреаты Союза писателей России».

С точки зрения жанра иными словами — литературы попытаемся посмотреть на новое творение орловца. То есть не столько со стороны его содержания фактической информации сколько со стороны художественной - эстетической композиционной, а также его нравственной природы.

Итак, эта книга о семье полководцев российских урожденных орловцев от отца — фельдмаршала М.Ф.Каменского до обоих его сыновей-генералов Каменских Сергея и Николая. И здесь ничего неожиданного. Катанов остается верен себе, своей первой любви — краеведению. Эта книга о полководцах напоминает скорее летопись, повременное описание жизни и деятельности знаменитого рода Каменских. Автор демонстрирует перед читателем свои поистине неограниченные возможности, прежде всего, со стороны включения в текст документов (письма, дневники, мемуары). С этого начинается, этим и завершается произведение. Не надо убеждать нас в том, что автором использован богатый фактический материал. Однако события — прерогатива истории, оставим факты историкам, краеведам. Вспомним, с чего мы начали — с художественной природы произведения.

И тут многократно срабатывает эффект неожиданного. Прежде всего, роман, как и всякий другой жанр, имеет свои каноны. Действительно, как таковой, роман сформировался где-то к середине прошлого века. Он полюбился писателям за свою раскованность, возможность свободного пользования материалом, независимостью в отличие от других жанров, глубочайшими творческими потенциями, заключенными в его саморазвивающейся стихии. Однако, что же мы имеем, как говорится, на сегодняшний день?

В «Сабуровской крепости» Катанова — десять глав. Первая и последняя — это фактически документы. Предыстория и нечто новейшее современное (включая фотографии) — из галереи славного рода Каменских. Так нельзя ли было бы, чисто в целях художественности, отделить то и другое от основы произведения? Первое, скажем, поставить в виде предисловия, а второе — вместо послесловия, сделать прологом или эпилогом? Дать фактаж, наконец, в примечаниях. Иными словами, оформить, как и положено, научный аппарат, сосредоточившись на художественной основе. Тогда бы читатель не наткнулся по всему полотну на цитации, ссылки на авторитеты. Их такое обилие, а текст-то художественный. Автор убеждает нас в своей правоте не столько точностью фактов, сколько позицией, отношением к этим фактам, художественной силой. Вот примеры такого рода цитирования из известных и малоизвестных историков, краеведов.

«А господина фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского тело, — писал первоисточник Орла, — перевезено было к двору, где было предано земле с подобающей честью».

«Гениальный полководец», - эти слова о Н. М. Каменском я обнаружил в «Подробном словаре русских гравированных портретов» Д. Л. Ровинского. «Не обошел молодого Каменского И. Д. Сытин в своей энциклопедии». «Граф Каменский, после блистательных побед над шведами, ускоривших заключение славного мира, - прочел я в книге Евг. Ковалевского «Граф Блудов и его время» (СПб,

1866г.), — был назначен главнокомандующим армией на Дунае...» Не лучше ли было бы все эти мысли, мнения, факты вложить в уста героев в мире или на войне?

«Перестрелка затянулась. Но ни пули, ни ядра не могли выбить шведов из окопов. Они упорно защищали берег, ободренные присутствием моста. Нетерпеливый Кульнев послал кавалеристов искать брод... Шведы, заметив, что их обходят, дрогнули. Три версты гнал из Кульнев, потом остановился.

19 августа он получил новое задание: с авангардом, составленным из трех батальонов пехоты, атаковать неприятеля при Каухоламби. Кульневцы и на этот раз не подвели». Подобное изображение войны напоминает фотографический принцип в живописи, когда не упускается из виду ни малейшая деталь, но теряется дальняя перспектива. Ускользают проявления человеческой натуры, не раскрывается психика героев, мотивация их поступков. Видна лишь общая масса — солдаты, кони, орудия. И все-таки автор стремится показать военачальников попроще, почеловечнее. «Впереди вел отряд полковник Эриксон. После неудачного боя близ Алаво он сумел проявить немалое мужество в других сражениях и был горд доверием командующего — командовать передовым отрядом, ищущим следом за полком Кульнева».

Тут уже больше разнообразия, монотонность нарушается, автор переступает черту, за которой уже начинаются ощущения, психика. Иное дело — взгляд солдата на баталию, психология простого народа. Вспомним хотя бы стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино», где показан человек на войне, его патриотизм в сочетании с житейским опытом, настоящее мужество, без бравады. Или Платон Каратаев в романе Л.Н.Толстого «Война и мир». Это же старые солдаты, видевшие свой долг в защите Отечества без должного патриотизма.

И только где-то к середине «Сабуровская крепость» начинает читаться легче. И именно за счет «очеловечивания» текста, включения в его динамику элементов фольклора, шуток, юмора, помогающих обрисовать народный характер. «- На Руси не все караси, а есть и ерши, - раздаётся веселый голос. — Вот я, к примеру, родом из Сибири. У нас...

- У вас бабы, сказывают, соболей коромыслом бьют, - кто-то озорно оборвал сибиряка. — А я, брат, из Мценска. Слыхал про такой город?

- Как не слышать? Это ваш город цыган за десять верст обходит?

- Верно, откуда знаешь?

- Как глянул на тебя, так и узнал.

- Про меня еще говорят... если хочешь человеку зла, пожелай ему амчанина во двор».

Именно в народном смехе видится фольклорные корни произведения. Настоящее, современность всегда были предметом веселого, амбивалентного смеха. Именно здесь складывается новое отношение к языку, к слову. Рядом с высмеиванием живой реальной действительности процветает пародирование высоких жанров, национального мифа. Смех уничтожает иерархическую дистанцию, ставит в один ряд солдата и генерала. Смех уничтожает и страх. И мы видим, как от смеха, удачному шутки у Катанова расковываются не только солдаты, но и полководцы.

Смех создает у суворовских чудо-богатырей посылку для отваги, без чего нельзя постичь как мирную, так и военную обстановку. Катанов приближает предмет через смех, передает его в руки человека, опрощая ситуацию в целях свободного вымысла. Такова, на мой взгляд, роль смеха, роль комического, которое автор применяет с совершенно осознанной целью — придать тексту эпическую, народную форму. И еще об одном немаловажном моменте. Читая «летопись» славного рода Каменских, поневоле задумываешься, а не выделить ли как-то особо, как родовую, наследственную, эту черту полководческого таланта — выигрывать сражения, побеждать, сплачивая людей во имя победы? Приведем хотя бы такую параллель, как «Сто лет одиночества» Маркеса.

Используя машину времени, автор рассматривает такую черту рода, как ощущение одиночества, на протяжении ста лет. Одиночество как главную черту, которым боги метят талант. К примеру, жена поэта Нина Берберова — Ходасевич, специалист по литературоведению, причислила «одиночество», тягу к «особливости», к разряду проявлений настоящего художника - «боговдохновенного», «энтузиаста». Умение побеждать — наследственная черта рода Каменских, идущая из древности, откуда берет начало этот род — от Александра Невского. Вот и покажите ее изнутри, психологически, через внутренний мир, через макро- и микрокосмос, в героике настоящего, мирной и воинской жизни...

И еще что можно отнести к неожиданному, так это то, что автору, обладающему, казалось бы, таким творческим опытом, порой не хватает простого. Повторяющиеся походы, взятие крепостей создают однообразную, вяло текущую атмосферу. Но стоит взять основное, выделить типичное на войне, в бытовой жизни - и вот вам эффект неожиданного: психологического феномена, черты характера, характерной детали! Баталии, все баталии - в Швейцарии, в Швеции, в Турции. Но вот баталии обычные сменяются баталиями описанными живо, непосредственно. И зримее, осмысленнее становятся действия отрядов, корпусов, людских масс. И это уже война умов, остро реагирующих на изменения в ходе военных кампаний.

«Незавидная фигура Ивана Васильевича словно слита с конем. Гусары — за ним, драгуны — за ним, казаки — за ним. Бегут гренадеры и егеря, готовые любую преграду разнести». Динамизм, натиск, решимость — этого не отнимешь! Видишь сражение, а не летописное исчисление полков и фамилий.

К вопросу о времени. Катанов варьирует им, использует прошлое, а в нем предпрошедшее, и в прошлом возникает ощущение будущего. Так, автор раздвигает временные рамки, дает возможность почувствовать прошлое сразу в трех измерениях. Апеллируя к потомкам, писатель дает понять, что нельзя жить лишь в одном своем — плоскостном времени. Значительное в прошлом — это объект памяти, предмет общего видения и контакта.

Попробуем порассуждать на эту тему на базе исследуемого материала. Как видим, настоящее, в прошедшем, прошедшая современность у Катанова весьма подвижны. Действие соприкасается со стихией незавершенного настоящего, которое не дает жанру закоснеть. Писатель тяготеет к тому, что пока еще формируется. Поэтому он может появиться в любой авторской позе, изображать реальные моменты своей собственной жизни, вмешиваясь в беседу, в действия персонажей. Писатель оказывается в новых, живых, самых неожиданных взаимоотношениях с миром. Ибо модель мира меняется. Нет идеального слова, нет последнего слова, И время, как и мир, уходя; становится историческим для художественного сознания. Настоящее же раскрывается как становление, незавершенный процесс, И в силу своей незавершенности оно относится уже к будущему, и смысл изображения обновляется в будущем. В связи с чем и центр осмысления произведения переносится в будущее. Под таким углом, с позиции усложненного трехмерного времени, и рассматривается изображаемое, а именно род Каменских. И видится, как чрезмерное привлечение документов, раскоординировав время, перегружает полотно, делает время менее трехмерным, более монотонным. Чувство меры, принцип отбора — основные принципы творчества. В этом и вкус, и сам талант, да что угодно в описании мужества русских людей на войне и в мирное время! И к чему тогда эта скрупулезность в выписывании подобного, внешнее в каждом из военных подходов? Внутренний мир космичен, беспределен. Нравы, характеры людских входят в мир одного как составные его самого, как первоэлементы. В таком случае ожидаешь от «Сабуровской крепости» соединения войны и мира, одной ноты, одного звучания. Ибо что же наша жизнь, как не игра? В театре военных действий она не только игра твоей человеческой жизнью, но и жизнью народов, судьбой государств. Каменский — отец «доигрался» на войнах до чина фельдмаршала, в гражданской жизни — до топора.

Младший из сыновей — Николай тоже удачлив, талантлив именно на войне. Но «доигрался» до ранней смерти — до очевидного отравления. И тогда старший из сыновей Сергей, как бы для компенсации, открывает свой натуральный театр в Сабуровской крепости. И превращает этот театр из крепостных актеров в своеобразный «театр военных действий».

И что жизнь не простая вещь, в ней есть элемент неожиданного, сторона противостоящая, говорит хотя бы то, что младший из сыновей (Каменский — второй) рано сходит со сцены жизни. А старший из сыновей (Каменский — первый) разоряется «на театре», доходит, как говорится, до крайности, превращал и себя, и своих актеров в нищих. Артисты, бродя по городу, «наги и босы», характеризуют этим больше владельца театра, нежели самих себя. И видишь, какие скрыты возможности, не использованы резервы фактические, жизненные материалы для изображения психологии, драмы, трагедии жизни, которую не удалось одолеть — таки даже славному, победоносному роду Каменских. И что же мы находим в пределах самой Сабуровской крепости? Труд крестьянский, беспросветность жизни и даже бунт в имении Каменского-отца, и все изображаемо, однако не так смело, как страницы военные, где те же крестьяне в солдатских мундирах активны у писателя: ходят в атаки, на штурм крепостей, на артиллерийские батареи...

Война-то войной, а мир в книге проигрывает в изобразительности, хотя сам материал для этого очень удачен. Особенно с точки зрения театральной, семейных «треугольников» (отец — мать — сыновья, отец — сын — сын). Ведь как усложнились бы, интереснее стали бы семейные отношения, обратись автор именно к ним, «треугольникам» этим, исследуй художественными средствами героев со стороны психологии. Отец и мать — одна из тем, одна линия, отец — в орловском поместье, мать — в Москве, врозь с мужем. Отец и сыновья, взаимоотношения братьев — тоже не менее интересная линия, могла бы стать напряженной психологически. А все вместе — узел противоречий — обещало бы сделать вещь по-русски многоплановой, полифоничной. Конечно, конкретность исторических лиц сдерживает фантазию автора в развитии сюжета, в разработке характера. Ну а как же тогда насчет всего этого, скажем, у А.Н.Толстого в «Петре I» или у того же Л.Н. Толстого в его «Войне и мире»? На то, как говорится, и талант. Пройти по острию и сделать это художественно оправданно и в то же время не погрешить против истины...

Однако Каменские показаны больше как люди на войне и для войны. Безусловно, более выписан младший из братьев — Николай, военный талант, у Катанова он выделяется из общей среды в своих походах и баталиях. Менее обрисован старший из братьев — Сергей, он же Каменский — первый. А старый Каменский — отец вообще представлен в основном цитатами из мемуаров, особенно в начальной главе... Автор изображает всех через взаимоотношения, через отношение к природе как части огромного целого, когда естественные человеческие чувства осмысляются, приобретают глубину, стереофоничность. Вместе с героями автор радуется природе, ее красоте. Но это слишком уж на поверхности, это энтузиазм, так сказать, первого порядка. «Кукурузным полем, густо зеленым, как лес, рожью, шелестящей колосьями, бежала дорога. Облака легкие, как пух, казались неподвижными в сияющей лазури. - Какая красота! — восторженно думал поручик Алексей Мартос». И эта мысль нуждается в осмыслении. Естество человеческое базируется здесь, на мой взгляд, на простых наблюдениях, это — пассивное созерцание. В таком случае идеал человека есть нечто простое, соответствующее природному естеству. Но и такой идеал дается не легко. Человек идет путем самоотвержения, дорогой жертв, мужественных поступков, в чем и пытается реализовать своих героев автор, говоря о славном роде Каменских. Высокое общественное сознание, понятие гармонии и как части целого красоты были бы более продуктивны, если бы автор задался целью показать внутренний мир героев, связавши свою судьбу с войной, взрывающей этот прекрасный мир тишины,

красоты и гармонии. Единству прекрасного и благого в мире отвечает единство прекрасного и нравственного в самом человеке. И это особый эстетический принцип в потоке или в противотоке жизни славного рода Каменских. Каменские — это военная «косточка», урожденные, природные полководцы. Попробуем же вместе с автором определить им свою нишу в мирной обители, их военную доктрину, философию жизни... Писатель выражает мысль, воплощает идеал, создает свой художественный мир. Короче говоря, герои писателя живут одновременно в реальном и придуманном мире, по законам реального и воссозданного автором на базе этой реальности. И в этом своем историческом мире писатель обнаруживает факты, события, а уже как бы за ним следуют люди. С одной стороны, текст оживляется, когда в него вводятся, скажем, те же народные песни. С другой стороны, они затягивают этот текст, который читается уже без внутреннего трепета, напряжения. И вдруг удачно найденное слово, народное выражение! Ритм ускоряется, текст уже достаточно упруг, вялость исчезает. И ты читаешь, уже сопереживая с автором, штурмуешь крепости, поешь солдатские песни, стоишь насмерть во славу Отечества. Конечно, куда лучше, если бы цитат было меньше, а песни более сжаты. А то ведь дымовая завеса от грохота орудий закрывает порой батальную сцену, общую панораму.

Стилистика автора базируется больше на военных трудах, на краеведческих источниках, чем на художественном, эстетическом материале. Однако от введения таких исторических знаменитостей, как Суворов, Кутузов, произведение только выигрывает. Не придуманные герои — это живая плоть произведения, деятельные исторические личности. Внимательно следим мы за переходами Суворова в Альпах. Видим, как делит он последний сухарь с солдатами. В одном — он простой человек, близкий солдатской массе. В другом — во время переходов, батальи, маневров проявляется его незаурядность, военный гений. Суворов способен выносить тяготы и полководца, и простого солдата. Он знает, что русский солдат может и свой мост построить, и пройти через Чертов мост неприятеля. Нас поражает, с какой решительностью Суворов совершает обходной маневр через горы в Швейцарии, когда нет основного пути. И Катанов не упустил этого факта из жизни Каменского.

Или же Кутузов. Он представлен писателем как полководец, сменивший на юге России Каменского-второго. Полководец суворовской школы, он одержал ряд блистательных побед. В частности, с помощью военной хитрости заманил турок на свой берег и, переправившись через Дунай, взял с бою крепость Рушук. Иными словами, Кутузов способен действовать решительным образом, с суворовским натиском. И в то же время это дипломат, осторожный, опытный политик. Что и скажется затем в битве под Бородино. Хитер и умен! Казалось бы, все это известно. Но Катанов сумел открыть перед нами такую страничку из жизни великих, которая в сочетании с жизнью Каменских, заставляет задуматься и об исторической Роли Каменских, об их отношении к солдатской, крестьянской массе.

Все трое Каменских, безусловно, обладали полководческим даром. Они умели брать крепости и редуты. А их человеческие качества, их жизнь в мирное время? действительно, на мой взгляд, этот материал в произведении недостаточно собран, сконцентрирован, осмыслен психологически. Ведь есть над чем задуматься, жизнь Каменских трагична в конечном счете. У всех троих. Герои прямо-таки из шекспировской трагедии. Расставим акценты, напомним известное. Старшего Каменского — отца, построившего Сабуровскую крепость как памятник своему военному прошлому, былым победам, топором убивает собственный крепостной. И второе слово в сочетании «Сабуровская крепость» приобретает дополнительный, социальный смысл. Каменский-младший (Николай Михайлович) рано уходит из жизни, отравленный как раз накануне вторжения в Россию Наполеона. Тоже трагедия, требующая своей психологии, мотивации, своего, наконец, внимания.

А Каменский-старший из сыновей (Сергей Михайлович) удовлетворяет себя как бывалого полного генерала тем, что создает театр крепостных актеров. И, превращал его в «театр военных действий» с жизнью, этот Каменский начисто проигрывает сражение с ней. Актеры его — на сцене марионетки, оловянные солдатики, в жизни — «босы и наги». И Каменский С.М., разоряясь «на театре», заканчивает собственную эпопею весьма плачевно...

И как тут не вспомнить сказанное Катановым вскользь, что театр Каменских (а, следовательно, и настоящий Орловский театр как наследник того — крепостного театра) происходит именно из такого важного факта в жизни отца Каменского — будущего фельдмаршала и будущего основателя Сабуровской крепости. Это когда молодой офицер Михаил Каменский, участвуя в «лицедействе» в настоящем драматическом спектакле, сыграл свою роль на сцене перед Высочайшим Двором, за что и был удостоен похвалы прусского короля. Вот уж действительно корни! Вот кто знал истинный толк в режиссуре и лицедействе! Ибо кем, как не государями, и разыгрывались войны в Европе, называемой «театром военных действий», где сами государи — режиссеры...

И еще одно, но это уже не неожиданность. Однако, как редут какой, тоже не обойдешь. А именно, автор проявляет незаурядность своего темперамента, искреннюю любовь к собранному материалу, который врос в него, стал частицей души. И тут хотелось бы сравнить труд писателя с трудом скульптора. Как об этом сказал поэт Николай Заболоцкий:

*«...взяли камень, убрали все лишнее,
И остались прекрасные эти черты».*

Среди монотонности баталлий в Швейцарии и особенно в Финляндии вдруг мелькнет какая-либо «изюминка». И вот такая «изюминка» не столько Катанова, сколько всей Отечественной войны 1812 года - это гусарский офицер, поэт Денис Давыдов! И врезаются в память слова его, сказанные уже не вскользь на страницах «Сабуровской крепости», а по-настоящему. И не в бровь, а в глаз. И это-то в военной среде, среди героев военных-генералов и даже фельдмаршалов, увековечивающих свои имена взятием крепостей. Вот эти слова о значении образного, поэтического слова: «А власть пера велика...» Тем и закончим свои мысли о значении слова на все времена, об основной книге исторической прозы писателя — орловца В. М. Катанова.

Золотарев, И. «А власть пера велика...» (Примат Неожиданного) / Игорь Золотарев // Золотарев, И. Русские идеалы (Книга о книгах) / И. Золотарев. — Орел, 2003. — С. 106-115.